
Людмила Лазебная
Душа альбатроса.
Эпилог

Людмила Семеновна Лазебная

Душа альбатроса. Эпилог

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72985642
SelfPub; 2025

Аннотация

Война 1914 года ускорила появление в воздушном океане нового вида оружия. В Петрограде на Гутуевском острове была открыта Офицерская Школа Морской Авиации, решившая проблему с подготовкой пилотов гидропланов. Год за годом морская авиация как новый вид вооружения флота превращалась в грозную силу, способную нанести противнику значительный урон и оказать помощь Балтийскому флоту. «Летающие лодки» научились обнаруживать постановки вражеских мин и атаковать германские субмарины. Постепенно самолёты стали оснащаться вооружением, а также современными приборами. Отречение императора и власть Временного Правительства.

Революция 1917. У каждого- свой путь…

Людмила Лазебная
Душа альбатроса. Эпилог

ЭПИЛОГ

У каждого – свой путь…

«Род проходит, и род проходит, а земля пребывает во веки.

Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит. Идёт ветер к югу и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своём, и

возвращается ветер на круги свои. Все реки текут в море,

но море не переполняется; к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь».

Царь Соломон. (Библия, книга Екклесиаста 1:6)

***

Стремительно пролетало лето тысяча девятьсот семнадцатого года. Отгрохотали июльские грозы над некогда благословенным Царским Селом, где теперь в Александровском дворце, начиная с марта, находились под арестом члены царской семьи.

Печальная участь августейших пленников, помазанников Божиих, пока ещё не была решена, а продолжала «качать-

ся» на чашах весов Правосудия. Образно говоря – на стороне госпожи Фемиды, у которой, как известно, глаза прикрыты непроницаемой для света повязкой, выступали десять министров экстренно созданного второго состава Временного правительства, несущего бремя главного органа власти во вновь образованной Российской Республике и ответственность за исход продолжающейся войны. На другой чаше никак не могла определиться с принятием решения Справедливость Высшего порядка, изображаемая с мечом в руках и открытыми глазами. Именно о ней принято говорить: «Бог всё видит!» и «Бог накажет!»

Природа тоже в эти дни словно пребывала в растерянности перед «небесной механикой», которую будто «заело», как старую пластинку, на монотонной ноте непрекращающегося проливного дождя. «Разверзлись хляби небесные», как было записано в Книге Бытия, когда Бог в наказание за грехи наслал на Землю Всемирный потоп.

Небеса, перекрытые тучами и густым туманом, как и пути земные, окончательно «развезло». Тьма поселилась в облаках. Непрерывно грохочущий гром заглушал людские молитвы и просьбы о милости к Всевышнему. В глубоких коричнево-серых лужах и стремительных водяных потоках отражались лишь вспышки молний. Без солнечных лучей померкли некогда яркие краски цветов. Умолкли веселые птицы. Могучие деревья в Царскосельском парке преждевременно теряли листву.

Стали вдруг унылыми улицы, потускнели, и вмиг проржавели чугунные узорчатые изгороди. Облупилась краска на фасадах домов, заляпанных брызгами грязи, летевшей из-под колес редких повозок и авто. Выглядывая из помутневших, «заплаканных» окон, в надежде увидеть, что происходит на белом свете, хмурые люди в тревоге приходили к мысли, что вокруг будто крутится постоянно повторяющееся немое черно-белое кино, в котором заснят сюжет о приходе на землю Антихриста, несущего своим появлением упадок, разруху и раннюю смерть всему живому. Многим теперь казалось, что и там, в безбрежной вышине Горнего мира, как и на земле, сражаются в эти дни друг с другом силы Добра и Зла. Упоминался не только Конец Света, но и один из первых волхвов, предсказавший рождение Иисуса Христа как Спасителя человечества, – Трижды величайший Гермес Трисмегист, начертавший несколько тысячелетий назад в своей знаменитой «Изумрудной Скрижали» мудрый парафраз:

«То, что внизу подобно тому, что вверху.

А то, что вверху, подобно тому, что внизу».

Но даже этот великий мудрец не смог бы предсказать, что через несколько месяцев в богатой и процветающей державе, занимавшей шестую часть земной суши, брат пойдет против брата, а сын против отца…

***

Весь этот роковой год, начиная с конца января, в России

бушевали мятежи и народные волнения, повсюду торжествовало предательство. Даже война с Германией и Австро-Венгрией, в которой Российская империя стала одерживать победу за победой на всех фронтах с приездом в Могилев, в Ставку Верховного Главнокомандующего, Государя Императора Николая II Александровича, перестала быть главным мерилом совести и офицерской чести. Генералов-бунтовщиков и предателей царя волновали иные заботы: как бы удачнее, да выгоднее для себя захватить власть и занять ключевые посты в Государственной Думе и новом республиканском правительстве, которое ещё предстояло организовать и, о котором много говорилось на 5-ой сессии Думы. Подотчетное парламенту *«Ответственное правительство»* должно было более эффективно, чем Николай II, управлять страной. Эти иуды, объединившись в безжалостную стаю, были озабочены свержением монархии как государственного строя.

По Петрограду коварными змеями расползались слухи: один нелепее другого. В итоге северную столицу заполонили революционные листовки и прокламации, «объясняющие» народу, будто для Российской империи теперь главное зло – не кто иной, как сама Государыня Александра Фёдоровна. *«Она является немецкой шпионкой и лично из своей спальни по телефону сообщает через немецкого посла двоюродному «братишке» кайзеру Германии Вильгельму II все секретные планы действующей Русской армии».* Оттого, мол, наши генералы потерпели множество поражений на фронтах.

Поэтому *«надо срочно арестовать коварную немку-предательницу, которая хочет отстранить Николая от власти и стать регентшей при сыне»*… Все чаще на первых полосах газет крупным шрифтом приводилась цитата из стихотворения Бальмонта «Царь», написанное поэтом в 1906-ом году:

«Кто начал царствовать Ходынкой,
Тот кончит – встав на эшафот».

В аристократических кулуарах из уст в уста повторялись слова князя Феликса Юсупова, одного из убийц Григория Распутина:

«Государыня вообразила, что она вторая Екатерина Великая и от неё зависит переустройство и спасение России».

«А сама-то въехала в Санкт-Петербург верхом на гробе Александра III, не проносив даже недельного траура по покойному императору-миротворцу, женила на себе Николашку», – судачили негодяи, мечтающие о кровавом дворцовом перевороте наподобие убийства Павла I.

Лидер Прогрессивного блока Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы или кадетской партии) профессор Павел Николаевич Милюков перед заседанием в Екатерининском зале Таврического дворца с некоторым содроганием услышал слова коллеги по Думе Александра Гучкова, который, с дружеской улыбкой подмигнул ему и мечтательно произнес:

– Самый оптимальный вариант свержения монархии в России – это, безусловно, цареубийство… А что вы, госпо-

дин профессор, так удивляетесь? Как они нас, так и мы их… око за око, как говорится… Вспомните, вспомните, драгоценнейший, текст перехваченной телеграммы в которой нынешняя императрица, эта чопорная англичанка с немецкими корнями, советовала своему безвольному супругу всего лишь менее двух месяцев назад – повесить меня и Керенского за наши прогрессивные высказывания о положении на фронтах…

«Может, Александра Фёдоровна была и права» … – подумал Милюков, вспомнив тот самый повсеместно растиражированный «документ», на который сослался Гучков. Имелась в виду, безусловно, личная, доверительная переписка между Государем и Государыней. Будучи уверенной в полной конфиденциальности общения Александра Фёдоровна якобы написала мужу искренне и гневно:

«В Думе все дураки; в Ставке сплошь идиоты; в Синоде одни только животные; министры – мерзавцы. Дипломатов наших надо перевешать. Разгони их всех… Прошу тебя, дружок, сделай это поскорее. Тебя должны бояться. ***Мы не конституционное государство, слава Богу.*** *Будь Петром Великим, Иваном Грозным и Павлом I, сокруши их всех…*

Я надеюсь, что Кедринского (имелся в виду А.Ф. Керенский) из Думы повесят за его ужасную речь. Это необходимо (военный закон, военное время), и это будет примером… Спокойно и с чистой совестью я сослала бы Львова в Сибирь; я отняла бы чин у Самарина, Милюкова, Гучкова и Полива-

нова – всех их надо тоже в Сибирь. Все ждут и умоляют тебя проявить твёрдость».

В следующем «перехваченном» послании императрицы Александры Фёдоровны к супругу она была ещё более категорично настроенной по отношению к Гучкову: *«Вот было бы славно, чтобы его удалось повесить».* Узнав об этом, тот пришёл в неописуемую ярость и уже утроил свои усилия по свержению монархии…

Как выходец из обедневших дворян Милюковых, ведущих свой род со времен Куликовской битвы, профессор-историк, бывший приват-доцент Московского университета, Павел Милюков лично ненавидел Николая II. В 1915 году его младший сын Сергей был убит на австрийском фронте. Но как политик Милюков был за войну до победного конца и категорически против кровопролития Романовых. В программе его партии было черным по белому записано, что в России должна быть установлена Конституционная монархия по английскому образцу*: «Король царствует, но не управляет!»* Будучи человеком честолюбивым и как ученый сосредоточенным на мелочах и деталях, он вдруг отчётливо вспомнил, как выглядело то самое подметное «письмо императрицы», напечатанное на телеграфном аппарате и затем выклеенное кривыми лентами строчек на каком-то обрывке листа бумаги, и вдруг усомнился в его подлинности. Вспомнил он и царских дочерей, и саму Александру Федоровну в платьях сестер милосердия в Царскосельском госпитале, где

они помогали раненым. Да, императрица не часто улыбалась в обществе. Но это, скорее всего, говорило о скромности и смущении, а никак не о её чопорности и заносчивости. «Нет, не могла эта образованная, набожная женщина позволить себе опуститься до столь ругательной лексики по отношению к подданным, тем более, священникам. Скорее всего, «документ» – это кем-то сфабрикованная *фальшивка*, чтобы ещё сильнее скомпрометировать Государыню и её царствующего супруга…

После некоторой паузы, с достоинством обдумывая каждое слово, Милюков ответил Александру Ивановичу Гучкову, тонко намекая, что чувство мести не красит государственного деятеля:

– Именно поэтому вы, господин депутат, едва начав работу в Государственной Думе, внесли предложения переименовать все названия с именами Романовых, царя и цесаревича, чтобы стереть их не только с географической карты Русского Севера и Тувы, но и из самой истории Российского государства. Однако не думаю, что народ запомнит вас в этой роли. Судят, сударь, по делам-с.

Сощурившись, Гучков ничего не ответил. «Мстительный черт! Надо мне аккуратно поговорить о радикальных намерениях Александра Ивановича с Керенским», – подумал Милюков, зная, что Александр Фёдорович также как и он, по сути, был человеком, придерживающимся мирного урегулирования даже самых сложных юридических вопросов…

А в России, тем временем, мели февральские ледяные метели и проявляли недюжинную активность разного рода политические группы, течения, партии и комитеты. Словно злой демон, поднявшийся из преисподней, злорадно ухмыляясь, наводил неразбериху в головах граждан, сеял сомнение и страх за будущее, внося хаос в сознание людей. Из-за снежных заносов на железной дороге в феврале и начале марта на несколько дней прекратился подвоз зерна в Петроград. Бедняки приступом брали булочные. Несмотря на резкое повышение цен, очереди за хлебом тянулись по всему Невскому проспекту. Голодные рабочие и солдаты громили продовольственные лавки и магазины на Васильевском острове. Военные различных частей стреляли друг в друга. Мятеж среди матросов вспыхнул на Балтийском флоте. В Кронштадте были зверски убиты высшие офицерские чины.

… В конце 1916 года Николай II Александрович ещё пытался спасти ухудшающуюся из-за роста военных расходов экономическую ситуацию в Российской империи. При внимательном изучении и анализе отчетных финансовых документов, предоставляемых Государственной казной, умный государь обратил внимание на безудержную жадность некоторых капиталистов, владеющих промышленными предприятиями, получившими от государства оборонные заказы. При этом цены на изготовление вооружения, боеприпасов были неоправданно завышены. Хозяева заводов порою набирали заказы сверх имеющихся производственных мощно-

стей. *«Нужно немедленно установить контроль расходов из казны, в особенности на Путиловском заводе, для этого заменить коммерческую администрацию на грамотных военных специалистов. В империи срочно требуется национализация военной промышленности»,* – записал государь в своем Высочайшем распоряжении, чем буквально разгневал российскую буржуазию, перекрыв ей возможности получать незаконные сверхприбыли. В результате владельцы оборонных заводов стали провоцировать рабочих на массовые протесты, перестав им вовремя платить зарплату, якобы «по вине царя». Когда на Путиловском заводе назначенная государем военная администрация потребовала предъявить кассу, там лежал один рубль. И это накануне выдачи оплаты труда двадцати тысячам рабочих и служащих! Мятежи могли бы стихийно вспыхнуть уже в конце шестнадцатого года, если бы один из военных государственных инспекторов не предупредил владельцев предприятия, что вынужден немедленно вызвать на завод две дивизии на случай беспорядков. Поэтому деньги тотчас же нашлись… Но уже в конце зимы семнадцатого ситуация повторилась и привела к Февральской буржуазной революции в России.

Теперь повсюду процветали анархия и хаос, достигшие своего апогея ещё в начале марта, когда Председатель IV Государственной Думы Михаил Родзянко публично признался в беспомощности Правительства. Затем последовал Указ о роспуске Госдумы. Солдаты восставших полков Петроград-

ского и Царскосельского гарнизонов и более двухсот тысяч рабочих единодушно требовали политических свобод, равенства народов, «земли и воли», а также – учреждения Республики. Их главными политическими лозунгами были: «Долой Романовых!», «Долой самодержавие», «Вся власть – Учредительному собранию», «Конец войне!». Чтобы подавить мятежи, Николай II Александрович приказал послать на восставший Петроград карательную экспедицию. Но генералы-предатели отказались отправлять верные Государю войска. А сил у полиции, чтобы справиться с разнузданной толпой, внутри которой активно действовали провокаторы, уже не было. Шаг за шагом монархия приближалась к своей последней черте.

В ночь с 1-го на 2-е марта тысяча девятьсот семнадцатого года запертый в личном экспрессе Литера «А» на станции Псков в Ставке Северного фронта император был предан командующим генерал-лейтенантом Рузским, которому прежде безгранично доверял.

Представители Временного комитета Государственной Думы Гучков, Милюков и Шульгин по вызову Рузского срочно прибыли в Псков. Вместе с ними также в императорский вагон, немного смущаясь, вошел последний Министр Императорского Двора Российской империи, генерал-адъютант барон Владимир Фредерикс. Его приезд особенно удивил Государя. С помощью политического силового давления, лжи и физического насилия Командующий Северным

фронтом Николай Владимирович Рузский, хитрый человек с большим самомнением, целую ночь вынуждал Николая II подписать напечатанный на пишущей машинке «Манифест» об отречении от Престола.

Император спорил и не соглашался. Во-первых, подобные государственные Акты, согласно действующему Своду Основных Законов Российской империи, должны были писаться исключительно от руки. Во-вторых, происхождение самого документа, подписанного почему-то также вопреки установленному Протоколу не чернилами, а простым карандашом, вызвало немало сомнений в российском обществе. В среде убежденных монархистов поговаривали даже, что предатель Рузский, не добившись добровольного согласия от императора, скопировал его подпись простым грифелем, переведя ее на заранее заготовленный «Манифест» с помощью стекла и лампы с другого Высочайшего Указа. В-третьих, сам Великий Князь Михаил Александрович, будучи четвёртым сыном царя Александра III, никогда не имел титула Цесаревича и на Российский Престол не претендовал. В канун этой Великой Европейской (Первой мировой) войны он женился по большой любви, вопреки запрету августейшего старшего брата, морганатическим браком, за что попал у Николая II в опалу и также по закону, ужесточенному при жизни императором Александром III, де-юре не имел права на Престолонаследие. Причем, как он сам, так и его последующие потомки! На момент вынужденного «отречения» императора у

Великого Князя Михаила уже был незаконнорожденный сын Георгий, которого милосердный царь Николай II, несмотря ни на что, принял как родного племянника. А вот дважды разведенную супругу Великого Князя Михаила – Наталью Сергеевну, бывшую в недавнем прошлом замужем за поручиком Вульфертом, подчиненным Михаила, Всероссийский монарх и его семья считали *«хитрой и злой бестией, о которой даже противно говорить»*. У тому же эта роковая особа имела дочь от первого брака… Зная только эти подробности, можно себе представить, сколько противоречивых мыслей пронеслось в голове Николая II Александровича. Ещё он прекрасно знал, что силою собственной власти мог отменить любой, даже собственноручно подписанный документ, поэтому молчал, возможно, всё ещё надеясь на …

– Вы не слышите меня, господин Романов? – кричал Рузский, зеленея от злости. – Подпишите «Манифест»… Подпишите! И мы вас тотчас отпустим. Пока вы тут ерепенитесь, может, в эти самые минуты уже умирает ваш больной сын. Доктор Цесаревича Владимир Николаевич Деревенко прислал телеграмму, что Наследник Алексей не доживет до своего шестнадцатилетия… У вас дома нынче целый лазарет, корью заболели дети, у всех температура под сорок. Представьте, в каком состоянии ваша жена-шпионка? Начальник Петроградского округа генерал-лейтенант Лавр Корнилов получил приказ направиться в Царское Село, чтобы ее арестовать. Отрекитесь! И сразу же поедете к семье.

Ну, подписывайте…

– Но я не знаю, хочет ли этого вся Россия? – спросил Николай II, внимательно посмотрев Рузскому прямо в глаза. Отчего у того по спине пробежали мурашки.

Взглянув на стоящего у выхода Гучкова, как бы ища у того моральной поддержки, генерал даже затопал ногами. И вдруг резко воскликнул:

– Ваше Величество! Заниматься сейчас анкетой обстановки не представляет возможности. События несутся с такой быстротой, ситуация ухудшается, беспорядки усиливаются в Москве и других городах. Войска переходят на сторону бунтовщиков. Что касается Петрограда, я не ручаюсь нынче за вашу собственную безопасность, как и за жизни членов вашей семьи. Вот, взгляните на тексты телеграмм от Главнокомандующих фронтов…

Рузский веером разложил перед императором недавно полученные штабом Северного фронта сообщения от командующих других фронтов и Балтийского флота.

– Читайте! Вот это Вам пишет вице-адмирал Андриан Иванович Непенин, Командующий Императорским флотом Балтийского моря. Вы лично знаете его как человека, не склонного к авантюрам. Он первый признал Временный комитет Государственной Думы. Читайте сами… ах, не хотите? Тогда прочту я, вот: «… *не признал возможным протестовать против призыва Временного комитета Государственной Думы. И, таким образом Балтийский флот признал ВК-*

ГД. Сообщаю для доклада Государю Императору, что мною получены телеграммы от Председателя Государственной Думы Родзянко. Это же мною приказано прочесть командам. Считаю, что только таким прямым и правдивым путём я могу сохранить в повиновении и боевой готовности, вверенные мне части…»

Рузский подвинул к Государю остальные телеграммы, добавив, что пока не ответил только Командующий Черноморским флотом адмирал Колчак. Император весьма был удивлен и ещё более морально сломлен, что его предал Великий Князь Николай Николаевич Романов, написавший, что *«по долгу присяги коленопрекланенно молит государя отречься от короны, чтобы спасти Россию…»* В таком же духе высказали своё мнение командующие Северным, Кавказским, Западным, Юго-Западным, Румынским фронтами…

– Хорошо, – призывая все свои внутренние силы к самообладанию, произнес император. – Поскольку Родзянко сложил с себя полномочия Председателя Государственной Думы, я готов подписать Высочайший Указ о назначении на этот пост князя Львова, он, кажется, беспартийный… Несите бумагу, перо и чернила…

Взяв свеженький, ещё не высохший документ в левую руку, правой – Рузский вновь подвинул к Николаю Александровичу «Манифест».

– Поставьте сюда только подпись. И идите отдыхать, а можете прямо сразу уехать, куда вам будет угодно. Ну-с, скорее.

Более не сдерживаясь, Рузский схватил Государя за руку и, крепко её сжимая, вновь подвинул «Манифест».

– Отрекись, сволочь! Неужели ты не понимаешь, что монархия в двадцатом веке – это анахронизм, пережиток прошлого. Нынче победила революция!

Побледнев, как мел, Николай II Александрович с достоинством встал и спокойно произнес:

– Отрекаюсь! Отрекаюсь от всех вас…Что Вам ещё угодно, господа? Я отрекся…

Сломленный предательством тех, в ком был уверен, теперь уже бывший Всероссийский монарх, в трагические часы своего незаконного свержения с прародительского Престола вглядывался со слабой надеждой в лица некогда обласканных им людей. Но ни в ком из них не нашёл ни помощи, ни участия, ни поддержки. Иуды наслаждались своим превосходством.

В эту минуту Государь вспомнил не так давно прочитанный им доклад одного из агентов имперской разведки, следившего за встречами и контактами в Петрограде чрезвычайного и полномочного английского посла Джорджа Уильяма Бьюкенена, прибывшего в Россию в десятом году. В документе сообщалось, что с самого начала Первой мировой войны посол Объединенного Королевства проводил тайную подрывную деятельность против прочного союза Российской империи со странами Антанты, всячески усиливая английское влияние на умы столичного общества, в особенности

против монарха и его ближайшего окружения. Бьюкенен частенько принимал у себя в Британском посольстве представителей российских либеральных партий. Как раз именно Керенского, Гучкова и Милюкова чаще других. «Так вот почему в Псков приехали именно эти люди! Керенского только не хватает». – Догадался Николай II Александрович и, более не удостоив взглядом никого из присутствующих, вышел из штабного вагона, проследовав в личные апартаменты царского экспресса.

Следом за ним вышли все остальные, оставив Рузского одного.

– Император отрекся от Престола! Да здравствует Республика! – Громко и почти торжественно воскликнул Гучков.

Через несколько минут Рузский вежливо пригласил в штабной вагон Министра Императорского Двора Фредерикса. Адольф Андреас Волдемар, или на русский манер Владимир Борисович Фредерикс, сохранивший за собой не только титул барона, но и пожалованный монархом в виду особенного теплого расположения титулом графа, с удивлением взглянул на генерала, подвинувшего на край стола тот самый Акт об отречении Николая II от Престола Российской империи. В конце машинописного текста в правом углу стояла подпись «НИКОЛАЙ», исполненная почему-то … простым карандашом.

– Что это? – хотел он спросить, но промолчал, сделав удивленное лицо.

– Вы здесь, чтобы были соблюдены необходимые официальные формальности, и, главное, узаконить сей исторический государственный документ. Возьмите, дорогой граф, перо, обмакните его в чернила, внизу листа в левом углу вы должны написать то, что в подобных случаях делали всегда по долгу службы, когда этого требовала необходимость. То есть – напишите своей рукой, что удостоверяете подпись Государя. Ну-с, смелее, время не ждет. Мы итак его много потеряли из-за упрямства полковника Романова. – Произнеся с удовольствием последние слова, генерал Рузский довольно усмехнулся и приказал адъютанту позвать депутатов Гучкова и Шульгина запечатлеть лично столь важный для России момент, а заодно отметить его шампанским …

Налицо 2 марта на станции Псков произошёл факт *дерогации (*derogation, *лат.* – частичная отмена старого закона), когда группа заговорщиков, захватив литерный поезд Николая II, вынудила Царствующего Государя против его воли отступить от действующего законодательства. Но вечером 2 марта более всего Николай Александрович переживал не за собственную, висевшую на волоске жизнь и не за утраченное право управлять государством. *«Кругом измена, и трусость, и обман»* – с тяжелым чувством пережитого записал в своём дневнике всеми преданный русский царь. Душа его стремилась помочь любимой жене, оставшейся с тяжелобольными детьми в Царском Селе, а также один на один с «подлыми трусами и предателями» во главе с генералом от инфантерии

Лавром Корниловым, прибывшими 8 марта арестовать Государыню Александру Фёдоровну по сфабрикованному абсурдному обвинению в шпионаже в пользу Германии и Австрии…

Тогда император ещё не мог знать, что и арест всех членов его семьи, и несколькими днями позже его личный арест произошли бы в любом случае. До конца преданный царской присяге, легендарный генерал-лейтенант Лавр Григорьевич Корнилов был одним из самых популярных командиров в Русской армии, любим войсками, даже несмотря на то, что являлся убежденным сторонником жесткой дисциплины. После объявления об отречении государя от Престола, он с тяжелым сердцем второго марта принял от Временного правительства пост Верховного главнокомандующего и до последнего надеялся, что, находясь на этой должности, сможет ввести в стране военную диктатуру, так как только эта мера поможет победить большевиков.

«В самом Царском, местный гарнизон, состоявший из запасных солдат 1, 2, 3 и 4 гвардейских стрелковых полков, взбунтовался ещё 28 февраля и митинговал на плацу. Был создан городской Совет. И не возникало сомнения в готовности солдат к самосуду»[1]. Вместо пришедшего с красным бантом

---

[1]Цитата из двухтомной монографии «Белое дело в России 1917-1922» доктора исторических наук, профессора МП-

ГУ, специалиста по Февральской и Октябрьской революциям 1917 года, Гражданской войне в России, истории Белого движения и Русского Зарубежья Василия Жановича Цветкова. (Примеч. автора).

на генеральском мундире Лавра Корнилова арестовать Александру Федоровну и царских детей могли назначить любого другого, и неизвестно, чем бы тогда закончилась трагедия. В лучшем случае – переводом в казематы Петропавловской крепости!

Приезжавший дважды, пятого и восьмого марта, в Царскосельскую резиденцию генерал по-военному объективно оценит уже накалившуюся до предела обстановку и по-человечески деликатно попытается свести к минимуму естественный страх Александры Фёдоровны. Корнилов лично установит строгий порядок смены караулов и возьмёт августейших пленников в большей степени не столько под арест, а, скорее, под свою личную защиту, при этом создаст для них весьма комфортные условия при содержании под стражей…

Отправив за двери верного текинца-телохранителя в казачьей черкеске и белой папахе, знавший в совершенстве девять языков и очень редкие восточные наречия, Лавр Георгиевич Корнилов, еле слышно отдал тому приказание по-туркменски: «Никого не допускать в покои императрицы, пока я буду с ней там говорить». И, только будучи уверенным, что даже на случай «чужих тайных ушей», его не услышат и не поймут, учтиво и вежливо генерал обратился к

Александре Фёдоровне по-французски, давая понять супруге бывшего монарха, что берет императорскую семью под охрану.

Генерал Корнилов распорядился расположить по периметру парка легкую артиллерию, развернув орудия стволами наружу, усилил защиту дворца двумя броневиками. Он также вызвал для защиты августейших пленников хорошо вооруженный Сводно-гвардейский стрелковый полк личной охраны и казаков из Собственного конвоя Его Величества. Эти преданные Государю части не позволили разъяренной толпе, активно подстрекаемой многочисленными провокаторами, прорваться в Фёдоровский городок и Александровский дворец, где проживала царская семья…

На рассвете ещё затемно императорский экспресс покинул Псков. Николай II Александрович, прежде чем отправиться в Царское Село навстречу своей Судьбе, решил непременно увидеться с матушкой Государыней Марией Фёдоровной, чтобы рассказать ей о случившемся. Его душа отчаянно болела за младшего брата Михаила, которому, как он предполагал, грозила смертельная опасность. Поведение стаи изменников и предателей было весьма предсказуемым.

Собравшиеся на станции члены Временного комитета Государственной Думы и оставшиеся их проводить военные во главе с генералом Рузским, а также прочие высокопоставленные чины – бывшие члены свиты бывшего царя в ожидании поезда на Петроград стояли на перроне. Было морозно и

солнечно. Все молчали. Чтобы как-то разрядить обстановку уныния и неловкости, Гучков произнес, обратившись нарочито громко к Милюкову:

– Ну-с, Павел Николаевич! Наши планы сбываются. Газеты уже с утра трубят о создании нового Временного Правительства из двенадцати человек с князем Львовым во главе Совета Министров. Он назначен также Министром внутренних дел. Скоро вы станете Министром иностранных дел, Керенскому мы вручим портфель Министра юстиции. Я предполагаю в собственном лице объединить посты Морского и Военного министра. Как говорится, «Война до победного конца!». Помните, о чем мы говорили с английским послом Бьюкененом? Не вы ли ещё недавно озвучили в Думе требования передать России после войны контроль над проливами Босфор и Дарданеллы… Полноте хмуриться! Вот приступим к новым обязанностям, вы как Министр иностранных дел направите к британцам запрос об освобождении Льва Троцкого и других социалистов, которые добирались на пароходе из Нью-Йорка в Россию через Новую Шотландию, а сейчас интернированы в лагере Амхерст. Все эти люди нужны революции.

Тут Гучков перевел взгляд на хмурого депутата Василия Шульгина, который в этот момент взглянул на небо, откуда, кружась, стали падать ледяные снежинки.

– А вы, любезный Василий Витальевич, что так приуныли?

– Не разделяю ни вашего оптимизма, ни ваших планов. Скажу больше: стыжусь, что был рядом с вами, господа в минуты несправедливой жестокости к Помазаннику Божиему. Похоже, что и Всевышний нынче гневается. Взгляните на солнце, вокруг него образовалось красное Гало. Дурной знак, это я точно знаю! Словно из прорвавшейся канализационной трубы, вас выплеснуло в недобрый час на волне революции. Революция вас самих и сметет в скором времени, будьте уверены. Да и меня … за грехи мои тяжкие. В своё оправдание могу сказать лишь то, что был рядом и вместе с вами, чтобы не допустить убийства Государя Николая Александровича. Каюсь, что не нашел в себе смелости воспрепятствовать насилию над монархом. Но рад, что он остался живым…

– Так что же вы хотите сейчас, господин Шульгин? – не унимался Гучков.

– Пулеметов! Пулемётов – только это средство применимо к толпе мятежников и ко всему буржуазному сброду, с гнусно-животно-тупыми или гнусно-дьявольски-злобными лицами. Вспоминаю с содроганием весь вчерашний день: Боже, как это было гадко…

А меж тем на красное Гало вокруг заледеневшего белого солнца, словно сыпавшего с небес колючие замерзшие слезы-снежинки, уже с тревогой заглядывались не только мирные жители бывшей Российской империи, которые отчаянно крестились в предвкушении более страшных событий, но и

солдаты в окопах.

– Смотрите, красный круг вокруг небесного светила! Плохая примета. Быть беде. Пропала Рассеюшка! Видать, не на шутку разгневался на нас Отец Вседержитель.

– Это к явлению Антихриста, – всё чаще, крестясь, говорили люди. – Когда такое творится – уже и не до войны! Хлеба народу не хватает, голод и мор грядут на нашу землю. А уж это, братцы, – беда похуже немца будет…

***

В этот холодный, злополучный весенний месяц тысяча девятьсот семнадцатого года монархия в России была окончательно свергнута. Раскол среди военачальников, предательство ими императора станут спусковым крючком для продолжения революции, которую, заботясь о судьбе государства, долго пытался избежать несчастный Российский монарх.

В начале марта семнадцатого года в Петрограде власть перешла к Временному правительству, в которое вошли видные политики того времени. Председателем стал беспартийный князь Львов. Пост министра иностранных дел занял лидер партии Конституционных демократов (кадетов) Милюков. Военным и морским министром стал октябрист Гучков. В основном в состав Временного правительства были включены либеральные партии – кадеты и октябристы. 6 марта под давлением всё тех же известных лиц отрекся от Престо-

ла и Великий Князь Михаил Александрович. И власть окончательно перешла к Временному правительству, сформированному из представителей политических партий, ранее входивших в Государственную Думу Российской империи.

Вместе с образованием Временного правительства в Петрограде появились Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Советы и Временное правительство стали органами власти в революционной России. Страна вступила на новый путь своего развития. Пришедшие к руководству страной, якобы, прогрессивные революционные силы обещали разрешить все политические, социальные и экономические противоречия в российском обществе. Однако никто не давал гарантий, что эти громкие обещания будут сдержаны и проблемы устранены. Русский человек снова начал ожидать лучших времён.

Свержение монархии и установление новой власти сопровождалось одобрением и массовой поддержкой населения. Многие жители Петрограда на удивление искренне радовались переменам. Временному правительству было необходимо оправдать возложенные на него ожидания. Были предприняты первые шаги во внутренней политике, ставшие попыткой навсегда порвать с прежним строем. Временное правительство провозгласило свободу печати, собраний, политической деятельности, объявило об амнистии политических заключённых. С фабрикантами и заводчиками было подписано соглашение о введении восьмичасового рабочего

дня. Вместо полиции общественным порядком стала заведовать милиция.

Несмотря на неразбериху, Временное правительство сделало важный шаг и в сторону защиты прав национальных окраин России. Были приняты декларации об автономии Финляндии и Украины. Однако уменьшение контроля над окраинами со стороны центра порождало стремление и у других автономных территорий к отделению от России. Страну начали активно покидать представители дворянства и интеллигенции. В разных отраслях, в том числе в армии и на флоте, наблюдалась нехватка профессионалов и кадровых офицеров.

Параллельно с работой Временного правительства в Таврическом дворце Петрограда активно действовал созданный двадцать седьмого февраля того же года Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, в состав которого входили эсеры и меньшевики. Председателем Петросовета был меньшевик Чхеидзе. Претендуя на высшую власть не только в северной столице, но и во всей России, Петроградский Совет постоянно оказывал давление на Временное правительство и пытался играть важную роль в управлении государством. Этот коллегиальный орган власти опирался на внушительную боевую силу – рабочую милицию и регулярные запасные полки Петроградского военного округа, которые, встав в оппозицию Всероссийскому самодержцу Николаю II Александровичу, не подчинились царскому Указу

от 25 февраля о временной приостановке работы Государственной Думы. В начале вооруженного восстания утром 27 февраля революционеры, в состав которых входили рабочие, солдаты и матросы, ворвались в Таврический дворец.

Первого марта Петросовет издал Приказ № 1, предоставивший нижним военным чинам участвовать в политических процессах наравне с гражданским населением. Документ ограничивал власть офицеров в армии и на флоте. В войсках и на кораблях Балтийского флота создавались выборные солдатские и матросские комитеты, подчинённые напрямую Советам. Именно этот приказ запрещал солдатам и матросам исполнять распоряжения командиров, противоречащие позиции солдатских и матросских комитетов. Как позже стало ясно, этот самый приказ подорвал боеспособность армии и флота, снизил воинскую дисциплину в частях, что негативно сказалось на их боевой надёжности в условиях продолжавшейся Первой мировой войны. Ситуация на фронтах постепенно превращалась в хаос.

Солдаты отказывались подчиняться офицерам. Солдатские комитеты саботировали приказы командования. Германская армия начала наступать, повсеместно продавливая укрепления русских, побросавших выгодные позиции. В сложившейся ситуации Временному правительству пришлось согласовывать с Петроградским Советом свои действия. С первых дней Февральской буржуазной революции в России установилось двоевластие.

Поначалу большевиков в составе Временного Исполкома Петросовета не было. Да и на Балтийском флоте среди матросов большевиками числились единицы. В спешном порядке члены Русского бюро РСДРП, объединившись с Заграничной частью партии, образовали единый Центральный Комитет, печатным органом которого стала газета «Известия Петроградского Совета Рабочих Депутатов», опубликовавшая 27 февраля воззвание «К населению Петрограда и России», провозгласившее главной целью свержение самодержавия.

Уже к 1 марта в Исполком Петросовета было избрано пятнадцать представителей: от бывших думских депутатов, меньшевиков и внефракционных социал-демократов. Из них – десять солдат и матросов, в том числе от Русского бюро ЦК большевиков – Александр Шляпников и Петр Залуцкий, а также – один из двух эсеров Александр Керенский, исхитрившийся войти одновременно в руководящие составы обоих органов новой власти.

Оба органа власти под давлением Петросовета, выпустившего официальную информацию, о том, что его *«крупной политической акцией было предотвращение попытки Временного правительства организовать отъезд за границу свергнутого царя Николая II и его семьи…»,* подписали совместное Постановление об аресте Романовых.

Население страны было широко проинформировано, что около 100 депутатов Петроградского Совета на Пленуме

седьмого марта проголосовали за то, чтобы в ультимативной форме выдвинуть Временному правительству требование «*принять самые решительные меры к сосредоточению членов всего Царского Дома Романовых в одном, определенном пункте под надежной охраной Народной революционной армии. Исполкому Совета необходимо послать предупреждение на железные дороги и другие пути сообщения о возможности побега Николая II за пределы России. О проявлении революционной бдительности следует оповестить все местные комитеты и воинские части».* Такие непреклонные решения выдвинули и распространили представители «левого крыла».

С развитием событий в стране соотношение политических сил стремительно складывалось в пользу большевиков, подтянувших на свою сторону матросов Императорского флота и огромную армию крестьянства, разделявшего их популярные лозунги о скорейшем мире с Германией и другими народами и о передаче земли в пользование беднейших слоев сельского населения. Пожар революции разгорался по всей Европе, охватив крупнейшие государства – Францию и Германию. Левые силы, взяв руководство над «мировым пролетариатом», спешили расправиться с власть имущими представителями общества.

12 марта на заседании Временного правительства был единогласно принят долгожданный демократический закон «О запрете смертной казни», которую заменили *«каторгою*

срочною или бессрочною». В связи с чем, в российской прессе вновь вспомнили и распространили малоизвестный, запрещенный в 1908 году царской цензурой, эмоциональный текст статьи графа Льва Толстого «Не могу молчать», в которой говорилось о недопустимости убийства человека человеком:

«Опомнитесь, одумайтесь, поймите, что вы делаете. Вспомните, кто вы. Ведь вы, прежде, чем быть палачами, генералами, прокурорами, судьями, премьерами, царями, прежде всего, вы люди…»

Этот пламенный призыв самого известного русского писателя, к сожалению, звучал не долго. Уже к лету с приходом к власти Керенского, претендовавшего на роль диктатора во Временном правительстве и государстве, закон о смертной казни, в особенности в армии, вернули обратно… (Зато, упразднив царские деньги, напечатали новые денежные знаки, именуемые в народе «керенками»).

***

…Погода в северной столице продолжала нагнетать уныние и чувство безнадежности в людях. Которые сутки шёл нудный и холодный мартовский ливень вперемешку с мокрым снегом. Петроград, поддавшись дождевому мраку, словно каменный призрак-исполин, был тих и задумчив … ни прохожих, ни экипажей. Лишь изредка со стороны Николаевского вокзала долетит гудок приближающегося паровоза и тут же растает как помеха всеобщей дремоте.

– Господин профессор, простите великодушно! Все разошлись давно. Не соблаговолите закончить на сегодня вашу работу с книгами? – обратился к Михаилу Павловичу Бобровскому строгий служащий Университетской библиотеки, маленький и сухонький старичок, походивший на сказочного гнома, неожиданно явившегося из ниоткуда.

– Ах, да! Простите, увлёкся! – растерянно ответил профессор. – Достав из бокового кармашка жилета дорогие часы Breguet Classique, закреплённые на золотой цепочке, известной как fob chain или fob (цепочка для брелоков – *англ.*), он посмотрел на время и снова вернул их на место. – Позвольте, сударь, как же так? Уже четверть десятого! Что же вы, Карп Спиридонович, меня раньше не спровадили? – попросту спросил он служителя библиотеки, огорчившись, что засиделся, увлекшись подготовкой к новой лекции для студентов.

– Да мне-то что? Я тут в своих хоромах ночую. Мне-то всё одно, лишь бы пожара не учинили. То вас, господин профессор, девки-поломойки уж давно дожидаются, мол, вы им работать мешаете, то есть задерживаете, значит. Вишь, требовательные стали, шельмы! Как по весне в десятом годе случился тот, как его, съезд-то в их защиту, так они рты-то и поразявили. Не жалают ни сколь ждать, спешат на заработки, видать, в трактиры. Ух! Я бы этих вертихвосток не токмо полы мыть в добром месте, а и на порог бы в Университет не пустил, – сетовал Карп Спиридонович, проработавший око-

ло двадцати лет истопником и ночным сторожем.

«Невольно образования наберешься на такой должности», – улыбаясь, подумал Бобровский, слушая речь умудренного жизненным опытом человека из простого народа. А тот всё не унимался…

– Вот до чего дожили, одно пустозвонство – всё съезды, да съезды[1] … То против пьянства, то против продажных баб, уж када и угомонятся? Как пили, так и продолжают пить, как колобродили эти мокрохвостки, так и будут. – Ворчал старик, собирая книги со стола. – А таперь и того хлещще. Вот, вы Михал Палыч, прохфессор. Объясните мне, темному, у нас, что теперь две власти? Когда был один батюшка-царь, народу всё ясно было. Он сам отвечал за всех и за каждого, сам за порядком смотрел. А таперь всё в газетах

---

[1]Первый Всероссийский съезд по борьбе с пьянством состоялся 28 декабря 1909 г. по 6 января 1910 г. Съезд проходил активно, велись жаркие споры, наблюдались бойкоты, протесты и скандалы. Главным вопросом был «пить или не пить?» Стоит ли запрещать спиртные напитки вообще или следует приучать народ к умеренному употреблению алкоголя. Первый же Всероссийский съезд по борьбе с торговлей женщинами и его причинами открылся через четыре месяца – 21 апреля 1910 года в Санкт-Петербурге. Делегаты съезда в своих докладах заявляли, что из-за кризиса в экономике и постоянного подавления оппозиционного движения, защи-

щавшего трудящихся, капиталисты понизили оплату труда работниц, которые вынуждены были искать средства к выживанию, занимаясь проституцией. *(Примеч. автора.)*

галдят, кто, мол, главнее, Временное правительство или Советы, Керенский или этот … Ульянов-Ленин? Я никак в толк-то взять не могу: они, что же двоюр*о*дные братья? Оба, вроде, из Симбирска, одну гимназию окончили, одной прохфессией владеют, стало быть, оба юристы и оба адвокаты. А почему политику порознь ведут, никак договориться не могут?

– Что же, такое нынче время, Карп Спиридонович! – коротко сказал Михаил Павлович, надев пальто и шляпу. – Нет, не братья они. А родились –

точно, и один, и другой в Симбирске. Если мне память не изменяет, то Ленин

Керенского на одиннадцать лет старше, и тот и другой из дворянского сословия. И отцы их даже дружат семьями, так как оба работают по линии образования. И Ленин, и Керенский окончили, действительно, одну и то же Симбирскую гимназию. Ульянов-Ленин начинал учиться на юридическом в Казани, был исключен из-за политических причин. Окончил потом за четыре года экстерном наш, Санкт-Петербургский университет. И Керенский учился здесь, в Петрограде, в нашем Императорском университете. Много раз и тот, и другой бывали в этой библиотеке. Скорее всего, вы прежде здесь частенько видели и того, и другого…

– Чудно. А чего они поделить-то никак не могут? Не возьму в толк. О чем спорят-то.

– Тут всё просто, Карп Спиридонович. Ленин, кстати, ещё за границей. До недавнего времени ел шоколад и удил рыбу в Швейцарии, где долго скрывался, боясь ареста царских властей. Я прочитал его свежую статью в «Известиях», где он уведомляет о своем возвращении в апреле в Петроград и уже начал требовать передачи Временным правительством всей полноты власти Петросовету. Думаю, что основная их стычка с Керенским ещё впереди. И это предсказуемо. А вот, что будет дальше в нашей стране – покрыто мраком предательства и обмана. Недаром британский лорд Черчилль написал прелюбопытнейшую фразу, полную сарказма: *«Россия – это загадка, спрятанная в тайну, укутанную в секрет».* Забавно и вместе с тем точно, не правда ли?

– Стало быть, англичане по-прежнему не дают нам покоя! – согласился наблюдательный Карп Спиридонович. За годы работы служащим в Университетской библиотеке, каких только речей про этих «треклятых англичан» он ни слышал от студентов и преподавателей. Особенно в дни Февральской революции… – Шельмы! Всё ведь перевернут с ног на голову. И что этим жиреющим господам не жилось чинно и благородно при царе-то?!

– Мне как историку уже видно, что сейчас в нашем обществе рождается новая наука, у которой, пожалуй, пока даже нет названия, – продолжил разговор профессор Бобровский.

Михаила Павловича вдруг осенила смелая мысль, которую он неожиданно для себя высказал вслух, не боясь огласки со стороны своего невольного вечернего собеседника, который в этот момент глядел на него с искренней заинтересованностью и даже с восхищением: не так уж часто жаловали своим вниманием простого библиотечного служащего столь именитые университетские профессора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.